

«ДЕЛО РЕВЕЛЬОНА»

С. А. Лотте

Французский ежегодник – 59.

М.: издательство А СССР. 1959. С.73-103.

Подготовлено к веб-публикации редакторами сайта [Vive Liberta](http://ViveLiberta.com) © 2006

Апрельское восстание 1789 г. в Сент-Антуанском предместье Парижа принадлежит к числу тех исторических событий, характер и причины которых казались неясными и даже загадочными как современникам, так и некоторым исследователям.

«...Мятеж из числа наиболее яростных, особенно примечательный тем, что так и не удалось полностью выяснить ни его причины, ни его истинных подстрекателей», — писал об апрельском восстании 1789 г. достаточно осведомленный современник, морской министр Бертран де Мольвиль¹.

Век спустя Шассэн охарактеризовал апрельское восстание как «таинственную прелюдию революционных бурь»². Жоресу восстание казалось инцидентом, оставшимся «загадкой очень темной и, вероятно, не расшифруемой»³.

Очевидно, некоторые новые и своеобразные черты этого выступления вызвали у современников версию о его «загадочности».

«Загадочность» создавалась кажущейся противоречивостью лозунгов: «Долой Ревельона!», но «Да здравствует третье сословие!». Реальный смысл этого видимого противоречия разъяснится, если мы поймем, что апрельское восстание было не столько явлением нарастающей буржуазной революции (хотя оно, несомненно, связано было с обострением революционной ситуации и, в свою очередь, содействовало ему), сколько событием, характерным для истории французского рабочего движения той поры. Именно поэтому оценка этого восстания невозможна без анализа предшествующего ему рабочего движения.

* * *

Восстание произошло у самого порога революции, на исходе тяжелейшей зимы, в обстановке обострявшегося кризиса.

Осенью 1788 г., за несколько дней до падения министра епископа Ломени де Бриенна, в Париже распространялась карикатура: торговля в виде Меркурия болталась на виселице, гири, привязанные к ногам трупа, изображали правительственную финансовую вакханалию, а на ленте, перевязывавшей руки трупа, была надпись: «Торговый договор с Англией»⁴.

Описывая пустые мастерские, Роллан сравнивал последствия договора 1786 г. с отменой Нантского эдикта⁵. 25 января 1788 г. министр торговли Толозан докладывал Королевскому торговому совету «об отчаянном положении, в котором находится большое количество рабочих и фабрик»⁶. Толозан считал нужным выяснить предполагаемое на зиму (1788/89 г.) количество безработных. Неккер предупреждал, что такое выяснение может вселить ложные надежды⁷. Толозан отвечал: «Для несчастных будет утешением узнать, что правительство интересуется их бедами»⁸.

Одним из проектов для ликвидации «бед» было занятие безработных на осушке болот и выкорчевке лесов⁹. Платить им деньги, полагал, например, Роллан, означало бы «создавать бездельников»¹⁰. Мануфактурный инспектор Амьена сообщил осенью 1788 г., что предвидит на зиму 48 тыс. безработных¹¹. Известный французский исследователь Марсель Руфф констатирует, что «тысячи нищих, вследствие безработицы, направлялись к Парижу» из районов, особенно затронутых кризисом, как Амьен и Аббевиль¹². Руфф доказывает, что большинство арестованных весной 1789 г. за нищенство составляли безработные¹³.

Пользуясь приведенными в статье Руфф протоколами допросов (всего 85)¹⁴, мы составили следующую таблицу:

Имеют постоянное местожительство	Без убежища	Нет указаний	Возраст						
			До 30	30-40	40-50	50-60	60-80	Свыше 80	Нет указаний
74	2	9	14	18	20	18	7	5	3

У абсолютного большинства время безработицы — менее двух месяцев. Наряду с безработными мы встречаем портниху, «на руках у которой мало работы», женщину, у которой безработный муж, а также мастера-позолотчика, у которого «не хватает работы».

Из 80 человек, о профессиональной принадлежности которых имеются данные, 33 женщины — это домашняя прислуга, мелкие торговки, прачки, портнихи. Среди мужчин (47 человек) выделяется группа строителей — 15 человек. О социальном составе имеются следующие данные: подмастерья и помощники — 15 человек, мастера — 1 человек (позолотчик и парикмахер), остальные одиночки: сапожник, переписчик, виноградарь, бывший солдат, возчик и т.д.

Эти данные показывают, что большинство задержанных за нищенство имело самый незначительный стаж безработицы (т.е., как это и утверждал Руфф, они являлись не бродягами, а трудящимися)¹⁵. Поскольку к тому же у большинства местожительство известно, то можно предположить, что если это и иногородние безработные, то уже нашедшие в Париже постоянное занятие. Среди задержанных большой процент составляли подмастерья, что по сравнению с значительным процента людей среднего и пожилого возраста само по себе указывает на существование среди подмастеров весьма значительного слоя фактически наемных рабочих¹⁶. Указание на «приработок», который получали ремесленники и мастера от нищенства, дает представление о тяжелом положении различных социальных групп, занятых в мелкой промышленности Парижа.

Точное количество безработных весной 1789 г. установить невозможно. Гарди говорит о 80 тысячах¹⁷, другой современник — о 20 тысячах¹⁸.

Численность населения Парижа разными авторами исчисляется в пределах от 500 тыс. до 640 тыс. человек¹⁹. Брэш полагает, что население столицы равнялось 550 тыс. душ, из которых 293 280 человек (т.е. немного больше половины всего населения) составляли рабочие с семьями²⁰.

Одним из промышленных районов Парижа было Сент-Антуанское предместье, где господствовала свободная, нецеховая организация промышленности. В силу этого там встречались представители всех ступеней социальной лестницы. Среди преобладавших в предместье столяров и плотников-краснодеревцев мы находим мастеров с двумя-тремя подмастерьями, самостоятельных ремесленников и мастеров — владельцев значительного размера мастерских, в которых подмастерья фактически были уже наемными рабочими²¹. Однако в предместье существовали и крупные мануфактуры капиталистического типа, в том числе мануфактура набивных обоев Ревельона.

В Сен-Марсельском предместье помещалась мануфактура гобеленов и множество кожевенных предприятий. «...В красильнях, кожевенных предприятиях и сырмятных работах самые отверженные: наиболее несчастное население жило на улице Муффтар и вокруг нее»²². Часто цехи протестовали против свободного найма в Сент-Антуанском предместье рабочей силы из состава учеников и подмастерьев парижских цехов. Так, например, медники Парижа много раз протестовали против того, что предприниматели Сент-Антуанского предместья перетягивали к себе подмастерьев, предлагая им «на четверть или даже на половину больше, нежели они должны зарабатывать»²³. Однако большие заработки, как мы это сейчас увидим на примере Ревельоновской мануфактуры²⁴, получали только рабочие очень высокой квалификации. Большинство рабочих, говорит Ревельон в своем «Оправдании», зарабатывает 30—35 и 40 су в день, некоторые имели 50, меньшинство получает 25 су²⁵. Эту цифру повторяли современники²⁶, а также и историки, в том числе Е.В.Тарле²⁷. Между тем сам Ревельон в другом месте того же документа приводит деление рабочих на четыре категории, причем, судя по тому, что о первой категории он сам говорит как о сотрудниках, а не как о наемных рабочих, можно сделать вывод, что в массе рабочие получали 25—30 су, а минимальная оплата составляла 8 су²⁸.

Ревельон пишет, что ему удалось ввести среди рабочих «очень строгую дисциплину» без того, «чтобы уменьшилась их привязанность» к нему. Он сообщает, что в «нынешнюю зиму», когда из-за морозов происходил вынужденный простой, он оплачивал всех рабочих «по той же ставке, что и ранее». В остальном он выражается неопределенно: «Рабочие знают, что когда они преданы мне, то я стараюсь им помочь в их недугах и нуждах». С 1785 г. Ревельоновская мануфактура была причислена к королевским и стала пользоваться соответствующими привилегиями.

Парижская мануфактура зеркал была одной из трех, принадлежавших Королевской компании зеркал, и находилась недалеко от Ревельоновской мануфактуры на улице Рейи. По описаниям Тьерри²⁹, в ней было занято «бесчисленное количество рабочих». В 1789 г. их было 500. Они работали 14 часов и подчинялись весьма строгой дисциплине. Охота, например, в выходные дни не разрешалась — сберегалась мускульная сила³⁰. В двух расположенных в сельских местностях мануфактурах дирекция обеспечивала снабжение рабочих зерном. В Париже у рабочих Зеркальной мануфактуры была своя булочная. Компания для обслуживания рабочих и их семей содержала капелланов и хирургов³¹. В случае болезни она выплачивала рабочим зарплату в половинном размере, а в случае прогула высчитывала зарплату в двойном размере³². Жилище предоставлялось на очень строгих условиях³³. В 1759 г. компания установила 10 пенсий по 3 ливра в неделю каждая. Условия получения пенсии были очень жесткими³⁴. Смерть одного из десяти открывала дорогу одиннадцатому. Нуждающихся в пенсии было много, и эта скупая лотерея привязывала людей к работе. Королевские мануфактуры были освобождены от тали, от постоя и дорожной повинности.

Другие категории рабочих отличались по условиям существования от рабочих королевских мануфактур. Современники рассказывают, например, что многие рабочие были вынуждены каждые три месяца менять свои жилища³⁵, так как не могли оплатить квартирной платы³⁶. В предвыборном анонимном наказе говорится: «Воспрепятствовать необычайной дороговизне жилищ, дабы мелкий буржуа не был обязан употреблять половину своего дохода на обеспечение себе и своей семье убежища от превратностей погоды...»³⁷

Шестнадцатичасовая работа была обычна, поэтому 14-часовой день парижских переплетчиков вызывал зависть³⁸. В обратном отношении длительности рабочего дня стояло количество рабочих дней. В Париже подмастерье-каменщик зарабатывал в среднем 28 су в день, землекоп — 20 су. Но они работали только 184 дня в году³⁹. Поэтому фактически каменщики зарабатывали не 28, а 18 су, а землекопы — не 20 су, а 12 су 3 денье⁴⁰. В брошюре «Жалоба бедного народа, адресованная Генеральным штатам» от имени «рабочих, поденщиков, ремесленников и других лишенных всякой собственности, или, вернее, не имеющих иной собственности, чем ту, которую они получили от природы, и образующих специальный класс бедного народа и к несчастью половину французской нации...» просят о разрешении работать хотя бы полдня в воскресенье и в праздники (за исключением самых больших). 25—30 праздничных дней и 52 воскресенья составят 80 дней — почти четверть года. 52 половинных дня работы тоже составят 26 дней, а «это имеет для нас громадное значение»⁴¹.

Такова была своеобразная борьба за право на труд⁴².

Если номинальная зарплата снижалась малым количеством рабочих дней, то реальная зарплата снижалась дороговизной. Интендант Толозан в феврале 1788 г. говорил о несчастных рабочих, не имеющих средств ни для собственного существования, ни, «что еще более ужасно, — для содержания своих жен и детей»⁴³.

По расчетам экономистов, в 1789 г. расходы на хлеб составляли в среднем 60% рабочего бюджета⁴⁴, а в отдельных случаях доходили до 88% бюджета⁴⁵. К тому же надо учесть, что рабочие свое продовольствие оплачивали дороже других, так как они производили закупки у мелких торговцев, которые с наценками перепродавали то, что сами покупали в розницу⁴⁶.

Весной 1788 г. хлеб достиг наиболее высокой цены за весь XVIII в.⁴⁷ 25 ноября 1788 г. Гарди отмечает в своем «дневнике», что уже месяц как хлеб вместо 12 су стоит 12 с половиной су. Цена была «невыносимо высока ... моя служанка слышала, как женщина громко кричала ... что подло заставлять таким образом умирать с голоду бедный парод и что надо бы со всех четырех сторон поджечь Версальский дворец»⁴⁸. 1 февраля 1789 г. тот же Гарди записывает, что хлеб у его булочника стоит 14 с половиной су. Очевидно, таков был уже тариф: Гарди указывает, что на рынках в этот день хлеб продавался по этой же цене. Однако 4 февраля хлеб уже продавался по 15 су, хотя тариф сохранялся в размере 14 с половиной су⁴⁹. Через два дня (6 февраля) 27 булочников были приговорены к 50 ливрам штрафа за указанное превышение цены и один булочник, который занимался еще и обвешиванием, — к 100 ливрам⁵⁰. Между тем в упоминавшейся брошюре⁵¹ автор, говоря о «грустном состоянии двух третей жителей Парижа» в связи с дороговизной хлеба, подробно рассказал о злоключениях и убытках самих булочников (на которых, естественно, обращался гнев народный) и требовал установления справедливой цены на зерно. Не имея ни желаний, ни возможности искоренить злоупотребления монополий, но боясь народных волнений, правительство

уделяло много внимания мерам полицейского надзора за торговлей хлебом⁵². В инвентарных описях архивов мы часто встречаемся с записями наподобие следующих: «Осуществление наблюдения за обеспечением снабжения зерном и мукой города Парижа»⁵³. В этих же описях мы читаем, что интендант Парижа распорядился посылать отряды конно-полицейской стражи ежедневно на близлежащие рынки⁵⁴. Читаем мы и такую запись: «Проверка выполнения приказа, данного командирам отрядов конно-полицейской стражи, направиться ко всем фермерам их округов, осмотреть амбары, установить количество зерна и год, когда оно собрано; заставить фермеров обеспечить рынки и следить за тем, чтобы они появлялись на торгу с достаточным количеством зерна»⁵⁵. Не много времени нас отделяет от того дня, когда один из разгромленных восставшими предпринимателей — Анрио не найдет себе убежища в окружающих Париж деревнях⁵⁶.

Недостатки снабжения хлебом, дороговизна его (к тому же булочникам было выгоднее выпекать дорогие, потребляемые богатой публикой сорта хлеба)⁵⁷, недоедание рабочего и вообще беднейшего населения явились причиной возмущений. Крупнейшим из них в предреволюционные годы была «Мучная война» 1775 г. Один из арестованных тогда в Париже подмастерьев на вопрос, считает ли он хлеб слишком дорогим, ответил, что «для господина офицера, который имеет средства, цена не слишком дорога, но для людей, не имеющих средств, она чрезмерна». А вдова одного парижского сапожника утверждала, что торговки грозили, «если не дадут хлеба по 2 су⁵⁸, то рабочие Сент-Антуанской мануфактуры восстанут»⁵⁹.

Современники постоянно связывали рабочий вопрос с вопросом о хлебе. Новейший исследователь народных движений XVIII в. Ж.Рюде считает: «Неудивительно, что в социальных конфликтах этой эпохи забастовки и другие движения из-за зарплаты (в которых рабочие противостояли хозяину) имели второстепенное значение. Намного большее значение для истории революции — и даже для истории самих рабочих — имели битвы за хлеб и за таксацию зерна, в которых участвовали рабочие как низший слой санкюлотов»⁶⁰.

Это утверждение, думается нам, не точно. Ведь вопрос о хлебе (как впоследствии вопрос о продовольствии вообще) являлся одной из сторон вопроса о реальной заработной плате и поэтому играл, конечно, соответствующую роль в рабочих восстаниях, но боролись рабочие непосредственно не за снижение цен, а за увеличение зарплаты. А для истории самого рабочего класса, конечно, наиболее важны те формы борьбы, которые явились прообразом форм зрелого рабочего движения.

Ряд современников отдавали себе ясный отчет во взаимосвязи продовольственных цен и номинальной заработной платы. «...Все собственники, богатые землевладельцы и купцы заинтересованы в том, чтобы поддержать дороговизну зерна, продовольствия и низкие цены на рабочую силу...»⁶¹. Другой автор современной, явно руссоистской брошюры говорит: «Если бы собственники и фабриканты были бы достаточно гуманны, чтобы повысить зарплату соразмерно с ценами на зерно и другие продукты первой необходимости, то рабочие никогда бы не роптали. Однако по злостному уговору их тяжкий труд всячески обесценивали»⁶².

* * *

К сожалению, скудости материалов по рабочему движению той поры сопутствует явно недостаточный интерес, проявленный к этому вопросу историками. Ж.Лефевр, выражая пожелание об углублении исследования истории парижских рабочих, отмечает: «Архивы, к сожалению, весьма пострадали, и все же еще остается достаточно документов»⁶³. Даже издание уникального документа — дневника книготорговца Гарди⁶⁴ оборвалось на первом томе, хотя более шестидесяти лет назад на его полном издании настаивал известный французский историк Фламмермон⁶⁵.

Немногочисленные исследователи дореволюционного рабочего движения используют преимущественно дневник Гарди, правительственные документы и в очень малой мере местные архивы, хранящие, вероятно, богатый материал взаимных жалоб и претензий.

Указ от 22 сентября 1781 г., подтвердив указы от 2 января 1749 г.⁶⁶, установил обязательную для всех рабочих регистрацию в полиции (§ 1), а также ввел (§ 4) «расчетные книжки», которые отражали все условия работы. Без увольнительной записи рабочий не имел права ни покинуть данное место, ни наниматься на другую работу. § 6 строжайше запрещал предпринимателям «нанимать рабочего или давать ему какую-нибудь работу без предъявления им сертификата, указанного в § 4»⁶⁷.

В знаменитом ордонансе Тюрго от 1776 г. об отмене цехов тоже имеется параграф (14), который гласит: «Запрещаем также мастерам, подмастерьям, рабочим и ученикам указанных цехов и общин образовывать между собой какую бы то ни было ассоциацию или собрание под каким бы то ни было предлогом»⁶⁸.

Однако королевские и муниципальные репрессивные мероприятия были уже бессильны.

Фламмермон правильно отмечает, что отмена цехов, «дав рабочим возможность испытать преимущества свободы труда», привела, после восстановления цехов, к усилению стачечного движения⁶⁹ (чему способствовало и взаимное ознакомление с условиями труда подмастерьев различных профессий). Это ярко выразилось в стачке парижских переплетчиков 1776 г., которые работали по 16 часов, но объединившись с окантовщиками и узнав, что последние работают 14 часов, объявили забастовку. Богатый компаньонаж пресекал попытки к «штрейкбрехерству»: оплачивал «отступные» являвшимся из провинции жаждущим устроиться на работу ученикам и оплачивал содержание беднейших подмастерьев во избежание их возврата на работу.

Из жалобы, поданной руководителями цеха в полицию, с просьбой принять строгие меры к забастовщикам, мы узнаем, что во всех мастерских цеха не оставалось «ни подмастерья, ни рабочего, ни одной брошюровщицы, ни одной фальцовщицы»⁷⁰.

В ночь на 18 октября были арестованы 6 зачинщиков забастовки, и она прекратилась. Во время стачки подмастерья устраивали «поносительные парады»⁷¹ перед лавками своих мастеров. Эти местные «поносительные парады» являлись, по-видимому, началом рабочих демонстраций⁷².

В апреле 1786 г. в Париже бастовали подмастерья-плотники. Эта стачка⁷³ интересна тем, что в ней имеются намеки на совместную стачку ряда профессий. Гарди пишет, что она вызвала «известное брожение среди подмастерьев разных цехов — кузнецов, слесарей, булочников, каменщиков и т.д.»⁷⁴.

Однако самой примечательной из парижских стачек этого периода, несомненно, была стачка *gagne-deniers* в 1786 г.⁷⁵

Gagne-deniers — грузчики-посыльные⁷⁶ — не были объединены в цех, но подлежали регистрации полиции. Бляха с номером на груди грузчика гарантировала любому хозяину возможность расправы с ним. Грузчики-посыльные вербовались из низших слоев Оверни и Савойи. Их зачастую называли «овернцами», и «респектабельные» члены общества вряд ли смотрели на них как на себе подобных, тем более что часть этих самых несчастных и самых обездоленных людей обладала буйным нравом. Из специального запретительного указа мы узнаем, что они вместе с рабочими Сент-Антуанского предместья участвовали в «поносительных парадах». И вдруг эти грузчики стали на миг центром всеобщего внимания и даже симпатии. Каким образом?

28 декабря 1785 г. на улицах Парижа появились красные повозки с возницами, одетыми в зеленую форму с галунами⁷⁷. Это были повозки вновь учрежденной компании по перевозке и погрузке товаров и посылок по регулярным рейсам. Утверждали, что в этой монополии были заинтересованы очень высокие лица⁷⁸ и что двор получил уже большой куш. Для грузчиков-посыльных новая компания означала разорительную конкуренцию. Они немедленно бросили погрузку и разгрузку на рынках и пристанях, так же как и доставку товаров. Голодные и продрогшие маячили они по углам улиц и, совершенно естественно, в конце концов набросились на своих соперников.

2 января 1786 г. утром завязалась шумная драка. Полиции с трудом удалось разогнать грузчиков и арестовать одного из них. Но в три часа дня внезапно вновь собралась большая толпа с намерением освободить арестованного. Им на помощь поспешили рабочие Сен-Марсельского предместья. Собравшиеся вооружились поленьями, захваченными с проезжавшей мимо телеги с дровами. Толпа пела угрожающие песни и разоружила нескольких солдат, разбив их ружья. Один из грузчиков ударил солдата по голове своим профессиональным крюком. Толпа чуть не разорвала постороннего человека, приняв его за служащего ненавистной компании. В свою очередь начальник городской стражи распорядился действовать штыками. В результате побоища страже удалось арестовать пять человек. В шесть часов вечера опять собралось около 500 *gagne-deniers*, к которым на сей раз присоединились рабочие Сент-Антуанского предместья. «Адский шум и беспорядочная демонстрация длились до поздней ночи».

10 января на рынке предместья Сент-Оноре неизвестный человек призывал грузчиков-посыльных направиться на следующее утро со своими жалобами в Версаль. Призыв был конкретен: указывалось время и место сбора. Вездесущая полиция в образе агента, переодетого каменщиком, услышала этот призыв и притом не однажды, так как «каменщик» следовал за оратором, а оратор в разных местах повторял свои призывы. Будучи задержан⁷⁹ на Новом мосту и приведен в комиссариат полиции, он подтвердил, что действительно занят организацией похода грузчиков в Версаль. На следующее утро, 11 января, несмотря на усиленные наряды войск и полиции, две следовавшие друг за другом толпы грузчиков направились в Версаль, где придворным всяческими уловками удалось остановить их и не допустить к королю. Пришедших уговорили оставить свое прошение и покинуть пределы Версаля, после чего, конечно, вновь были произведены аресты. Но именно теперь разбитые (красные повозки победоносно продолжали свои рейсы по парижским улицам), приговоренные в лице отдельных своих членов к позорному столбу, грузчики вызвали горячую симпатию в различных оппозиционно настроенных слоях общества⁸⁰.

М.Руфф правильно замечает, что грузчики-посыльные «на один миг сосредоточили вокруг себя все недовольство парижан против режима». И это лишний раз показывает, что когда на очереди стояла буржуазная революция, то всякое движение, откуда бы оно ни исходило, объективно попадало в «фарватер буржуазии».

Версальский поход *gagne-deniers* в январе 1786 г. был несомненным предшественником похода октября 1789 г. Интересно, что эту форму протеста первыми использовали самые низшие слои предпролетариата.

Ограничиваясь для понимания характера «дела Ревельона» в основном фактами из истории рабочего движения Парижа, мы не можем, однако, не упомянуть об организации рабочих бумажной промышленности⁸¹. В предреволюционный период бумажные фабрики были обязаны значительным усилением своей активности двум причинам: распространившемуся тогда обычаю обклеивать покои обоями и огромному росту выходившей литературы — «никогда еще столько не печаталось»⁸².

Рабочие-бумажники во второй половине XVIII в. дважды удостоились внимания Королевского Совета и оба раза в присутствии короля. В первом постановлении от 24 июня 1772 г.⁸³ говорится только о запрещении «кабалы», т.е. организуемого либо контролируемого рабочими найма и увольнения рабочей силы. Тон постановления от 26 февраля 1777 г.⁸⁴, так же как и сведения, приводимые в нем, уже совсем иного рода. Постановление утверждает: «Рабочие бумажных мануфактур королевства объединились во всеобщий союз, посредством которого они, по своей воле, приостанавливают работу бумажного предприятия либо благоприятствуют его развитию и тем самым определяют успех либо разорение предпринимателей...». Эта преамбула постановления Королевского Совета от 26 февраля 1777 г. послужила основанием для утверждения ряда исследователей⁸⁵ о существовании союза рабочих бумажных предприятий в масштабе всего королевства. Оно было повторено в считающейся классической работе Жермена Мартена о рабочих ассоциациях⁸⁶. Связи между рабочими отдельных предприятий и центров бумажной промышленности несомненно существовали. Однако утверждение об охватывающей все королевство ассоциации рабочих бумажных предприятий кажется нам преувеличением, вызванным в самом постановлении — страхом, а в историографии — модернизацией. Само постановление 1777 г. — и это одно из оснований, по которому мы считаем себя вправе коснуться его, — возникло по жалобе Ревельона (который и то время был основным владельцем бумажной фабрики в Курталене, в Бри) на поведение рабочих. Управляющий фабрикой Пьер Росс был уволен и перешел на службу в близлежавшее (в 14 лье) предприятие в Ла Мотт. Перейдя туда, он из деловых соображений или из мести стал переманивать за собой рабочих из Курталена. Вслед за несколькими рабочими, получившими увольнительную, в Ла Мотт были приняты рабочие без увольнительной. Оставшиеся в Курталене рабочие, которых, очевидно, не хотели отпускать, стали бесчинствовать и устраивать такие эксцессы против старой владелицы вдовы Лагарп и ее двух сыновей, что по жалобе вдовы рабочий Кавалье был арестован (правда, уже после его перехода в Ла Мотт). Не утраившийся этого примера рабочий Ла Дерут повел себя также вызывающе с вдовой и одним из ее сыновей, а будучи изгнан из Курталена, нашел работу в Ла Мотт. Рабочие последнего в наказание за то, что рабочие Курталена не поддержали Ла Дерута, наложили на них штраф в 36 ливров, а на вдову Лагарп — в 300 ливров. Бывший рабочий Курталена (работавший уже в Ла Мотт) Рош сам отнес в Куртален письмо, в котором содержалось запрещение работать до уплаты штрафа. Рабочие прекратили работу и отправились в Ла Мотт для переговоров об уменьшении суммы штрафа. В Ла Мотт они пробывали

несколько дней. Постановлением Королевского Совета были оштрафованы хозяин мануфактуры Ла Мотт⁸⁷ в размере 300 ливров (т.е. той же суммы, к которой рабочими была приговорена хозяйка Курталена) и на 100 ливров — управляющий Росс и двое рабочих. Постановление, подтверждая регламент 1749 г., запрещало ассоциации, а «также каждому рабочему и всем сообща вмешиваться прямо или косвенно в споры, которые могут произойти между хозяевами указанных мануфактур и рабочими, занятыми в них; объединяться для этой цели, совращать указанных рабочих, будь то живым словом, либо письменно, от работы, которая им поручена; приговаривать их к штрафам: все это под страхом тюремного заключения и даже еще большего наказания».

Обращаясь к хозяевам предприятий, постановление требует от них немедленно сообщать офицерам ближайшего отряда конно-полицейской стражи о всех случаях союзов между их рабочими и рабочими какой-либо другой мануфактуры, о каких-либо сговорах для совместных действий и т.д. Однако постановление это оказалось бессильным.

Примерно через десять лет, в конце 1786 г., субделегат Марле сообщает интенданту, что подмастерья-бумажники объединяются, что они недавно добились уменьшения своего рабочего дня. Они сеют смуту также на окружающих предприятиях, принуждая силой присоединяться к ним тех из их товарищей, которые не были расположены к этому⁸⁸. В том же 1786 г. хозяину бумажного предприятия Ла Мотт «надоело иметь подмастерьев, которые дезорганизуют фабрику» и законодательствуют над ее хозяином. Он попытался взять хорошо обученного рабочего со стороны. Однако под страхом ухода всех рабочих и объявления предприятия под запретом он вынужден был отказаться от своего намерения⁸⁹. Рабочие не желали допускать к работе не только иностранцев и выходцев из других профессий, но и сыновей мастеров, добываясь, чтобы на работу принимались только сыновья подмастерьев⁹⁰. Интендант Шампани жалуется в 1783 г.: «Дух ассоциации сейчас принял небывалые размеры», — и указывает на некоего Фрико, «который, кажется, является одним из курьеров компаньонажа»⁹¹. 9 мая 1786 г. рабочие Кастра и Бюрла внезапно покинули работу, требуя повышения зарплаты. Каждого, кто пытался продолжить работу, они карали 60 ливрами штрафа. Они даже хвастались, что написали рабочим других фабрик провинции и за ее пределами, чтобы те не приходили и не пытались помешать стачечной борьбе. 7 июня сами мастера просят прощения для своих рабочих, очевидно достигнув с ними соглашения и явно боясь выполнения постановления Королевского Совета. В том же году на том же предприятии рабочий Карроль был приговорен рабочими объединения к штрафу, который он отказался заплатить. Карролю запретили работать на фабрике, и хозяину пришлось дать ему увольнительную, ибо ни один рабочий не хотел работать, пока Карроль не покинет фабрику или не уплатит наложенного на него штрафа⁹². Субделегат звал главарей для разговоров. Но рабочие оказались настолько «дерзкими», что он решил их «для остротки» арестовать. Однако из тюремной камеры они появились через несколько дней и уже в столь яростном настроении, что «бедный субделегат временно их отпустил», а запрошенный им об указаниях интендант дипломатично ответил, что «в настоящих обстоятельствах следует действовать с величайшей мягкостью»⁹³.

Мануфактурный инспектор Тьера писал еще в 1778 г., что рабочие-бумажники «слишком многочисленны и слишком едины для того, чтобы отряд конно-полицейской стражи мог бы действовать против них». Поводом к столь унылым размышлениям послужил ряд случаев наподобие следующего: один рабочий бы осужден рабочими к штрафу за то, что продолжал работать на фабрике, поставленной под запрет. Избегая преследования, он уехал в другую провинцию и устроился на работу. Но его новые сотоварищи, узнав о мотивах его переезда, отказались с ним работать и объявили стачку⁹⁴. Наконец, в апреле 1789 г., когда в Париже запылала фабрика Ревельона, в Тьер явился некий Амон сманивать рабочих в иногороднюю мануфактуру. По жалобе мастеров его арестовали. Но подмастерья, угрожая поджогом, освободили его. Интендант запросил указаний. Ему ответили: «При иных, нежели в данный момент, обстоятельствах можно было бы применить суровые меры, особенно против нанмавшего, но при настоящем положении вещей кажется более благоразумным не компрометировать интенданта»⁹⁵.

Наконец, нельзя не упомянуть об уникальном случае заключения коллективного договора в середине XVIII в. В 1751 г. в Ангума конфликт охватил рабочих 13 бумажных мельниц, хозяева и арендаторы которых в основном работали для Королевской мануфактуры в Ангума⁹⁶. Владельцы мельниц констатировали, что начавшаяся без предупреждения стачка, так же как и подобные ей, «очень опасны и предосудительны для блага государства и публики и противоречат эдиктам, постановлениям и декларациям короля»⁹⁷. Чрезвычайно упорное сопротивление рабочих привело через 4 месяца к заключению настоящего коллективного договора⁹⁸.

Характерно, что если раньше рабочие протестовали против найма рабочих из числа сыновом хозяев и настаивали на приеме из числа родственников рабочих, то по пункту 3 коллективного договора впредь наем на работу должен был производиться независимо от родственных связей.

Всем указанным нами выступлениям различных групп и профессий предпролетариата свойственен еще известный дух корпоративности, они чаще всего борются за частные, а не общие интересы. Тем не менее нельзя не отметить все возрастающую настойчивость в противопоставлении себя хозяину, мастеру, а также зачатки объединения рабочих различных профессий (парижская стачка 1786 г.) и рабочих одной профессии, но территориально разобщенных предприятий (выступления рабочих-бумажников).

Как мы указывали выше, вопросы рабочего движения XVIII в. еще крайне скудно разработаны. К сожалению, новейшие работы по истории труда и рабочего движения во Франции почти совершенно не касаются предреволюционных лет XVIII в. Никто до сих пор не занялся углубленной разработкой вопроса, на который, вслед за современниками, указали Мартен и Матьез. Выразив надежду, что будущее изучение деятельности компаньонажей по-иному поставит вопрос о наличии классового сознания у рабочих XVIII в., Матьез привел выдержку из исключительно любопытного документа — ордонанса орлеанской полиции от 1767 г. «Дух ненависти и озлобления между подмастерьями различных ассоциаций проявляется в творимых ими друг против друга насилиях, но еще чаще в объединенных действиях против тех подмастерьев, которые не желают вступать ни в одну из ассоциаций»¹⁰⁰. Таким образом, полиция свидетельствует, очевидно, что среди членов враждовавших между собой компаньонажей брало верх новое (бесспорно связанное с их переходом на положение наемных рабочих) чувство рабочей солидарности, что заставляло их совместно выступать против так называемых «лисиц» (renards). Так как лисицами назывались «неорганизованные» подмастерья, которые не подчинялись постановлениям о бойкоте мастерской и готовы были заместить бастовавших, то весьма вероятно, что полиция проявляла к ним пристальный (хотя,

несомненно, благожелательный) интерес. Естественно предположить, что ими интересовалась не одна орлеанская полиция и что в других местных архивах также имеются ценные материалы на эту тему.

Известные нам формы борьбы, естественно, отражали ту ступень классообразования и формирования зачатков классового сознания, когда новое переплеталось со старым в наиболее причудливом виде.

У французских рабочих в то время не могло быть еще, конечно, зрелого классового сознания. Но нам представляется также невозможным говорить и о полном отсутствии такого сознания, как потому, что этому содействовало само развитие капитализма, так и потому, что бурная просветительная деятельность не могла пройти целиком мимо рабочего. «С некоторых пор, — писал в 1785 г. Ретиф де Ла Бретонн, — рабочие столицы стали несговорчивыми, ибо они в наших книгах прочли истину, слишком важную для них; что рабочий — человек, представляющий ценность»¹⁰¹.

В последнее десятилетие старого режима, как это совершенно правильно отмечает Сен-Жакоб, экономические и социальные вопросы были поставлены по-новому с «поражающей силой»¹⁰². Об этом наглядно свидетельствует экономическая литература второй половины XVIII в.

О том, что «промышленность рабочего состоит только в продаже другим своего труда»¹⁰³, что он «не имеет иной собственности, как свои руки», и «ежедневно авансирует свой труд», — говорит физиократ Тюрго¹⁰⁴. О вечной «власти собственника над человеком, не имеющим собственности»¹⁰⁵, и о том, что цена рабочей силы трудящихся определяется «их конкуренцией и непреодолимой силой собственников»¹⁰⁶, — писал и противник физиократов Неккер. Даже парламент в своем представлении от 2—4 марта 1776 г. выражает понимание того, что «нуждающиеся скорее продадут свои руки по скверной цене, нежели оставят их праздными»¹⁰⁷. Негодуя по поводу проекта об отмене цехов, парламент говорит об «этих существах, созданных для того, чтобы нарушать спокойствие общества»¹⁰⁸. Инспектор госпиталя Ламберт в брошюре «Наказ бедноты», будучи «убежден в общности и неделимости» интересов богатых и бедных («примирить их это задача, которую я себе поставил»), констатирует: «Деньги ничего не производят: они являются только знаком вещей, а вещи производятся только трудом людей. Следовательно, не деньги, а люди составляют силу и нерв государства»¹⁰⁹.

Если низшей ступенью классового сознания является самое элементарное понимание своей противоположности нанимателю («антипредпринимательский дух»¹¹⁰, — как говорит Рюдэ), то следующей ступенью является понимание рабочим, что его трудом создается богатство его хозяина и других хозяев, следовательно, собственность вообще. На наш взгляд в среде предпролетариата существовал уже зародыш (но, конечно, только зародыш) и этой формы сознания. Известны высказывания наподобие того, которое принадлежит одному из участников июльской стачки строителей 1785 г. в Париже: «Множество предпринимателей жиреют, как бы сказать, от крови и плоти своих рабочих»¹¹¹.

Само собой разумеется, что общее руководство движением принадлежало буржуазии. Однако шедшие за ней рабочие, даже повторяя ее лозунги, вкладывали уже и тогда в них свой особый смысл. Ибо возглас «Да здравствует Неккер!» означал для низов прежде всего регламентацию хлебной торговли и оказание помощи безработным¹¹². В возглас «Да здравствует король, да здравствует третье сословие!» народ вкладывал ту веру, с которой он шел в 1786 г. в Версаль, веру в непосредственные переговоры с королем, в справедливого короля, находящегося в плену у дерзких советников. В прошении от 19 февраля 1789 г. против мучных компаний говорится: «Государь решительно хочет, чтобы парод избавился от угнетения жирными и богатыми»¹¹³.

Не следует при этом забывать, что буржуазия, выступавшая как представитель всех классов третьего сословия, считала дворян тунеядцами, относилась к ним с презрением разночинцев и искренне считала себя классом, представлявшим труд и трудолюбие. Так, Рабо Сент-Этьен рассказывает, что съехавшимся из провинции представителям третьего сословия роскошь дворцовых построек казалась баснословной. «Этот дворец, — говорили им, — стоил 200 миллионов, очаровательный дворец Сен-Клу стоил 12 миллионов». Они отвечали: «Это великолепие — продукт народного пота»¹¹⁴. Это, конечно, не могло не мешать выявлению только еще намечавшегося будущего основного общественного антагонизма.

Без этих предварительных замечаний о характере французского рабочего движения в 80-годах XIX в., как нам представляется, невозможно правильно понять характер апрельского восстания 1789 г. Франция стояла перед решающим столкновением с силами старого порядка. Однако первое массовое революционное выступление в Париже 1789 г. оказалось направленным против некоторых представителей того самого третьего сословия, которое собиралось штурмовать французский абсолютизм.

* * *

21 апреля впервые собрались выборщики третьего сословия в дистриктах Парижа. Напомним, что все, платившие менее 6 ливров прямого обложения, не являлись избирателями и не могли участвовать в собраниях дистриктов. Ревельон был, естественно, членом избирательного собрания, он был и выборщиком и даже вошел в имевший хождение в публике описок «друзей народа, которым следует быть избранными выборщиками Парижа». В этом списке он находился рядом с Кондорсе, Бриссо, Гильотеном, Сиейесом и другими¹¹⁵. В самый день

27 апреля Ревельон был избран в число комиссаров для редактирования наказа третьего сословия¹¹⁶. Между тем рабочие его мануфактуры, как, впрочем, и иные рабочие, не могли участвовать в выборных собраниях. Между 16 и 20 апреля появилась брошюра, в которой заявлялось: «Отстранить большинство... это хотеть построить дом без камней... получить урожай без семян и плодородной почвы. Разум указывает, что 100 честных и трудолюбивых стоят больше, нежели один богатый собственник. Потому что именно они его обогатили и поддерживают его богатства»¹¹⁷.

Вопрос о хлебе привлекал к себе большое внимание. В большинстве дистриктов избиратели поддерживали народное требование дешевого хлеба. Одной из причин этого несомненно являлась боязнь восстаний. Еще в январе 1789 г. Мольвиль записывает, что народный гнев направлялся против «дворян, уже обреченных на ненависть народа под кличкой «аристократов» и обвиненных в печатном доносе, который раздавался всем прохожим на Новом мосту и у входа в места народных гуляний столицы, в скупке зерна. В то же время в предместьях расклеивались листовки, которые угрожали всеобщим восстанием, если цепа на хлеб не будет уменьшена. Таково было мрачное состояние умов накануне созыва Генеральных штатов»¹¹⁸. Брошюра под названием «Четыре призыва некоего патриота нации» зывала: «Кормите парод... Обезопасьте собственников от надвигающихся страшных восстаний 20 миллионов неимущих... Следует бояться, чтобы множество бедных, обреченных жадным эгоизмом собственников, не топтали бы ногами бесчеловечное основание собственности...»¹¹⁹.

В брошюре под названием «Различные новости» сообщается, что во вторник открываются собрания третьего сословия, что ожидается волнение народа на набережной и на рынке и что «хотя большинство из них не платит шести ливров капитации, по будет трудно закрыть перед ними двери ассамблеи». Сообщается о принятых мерах предосторожности¹²⁰.

16 апреля министр двора Вильдюи сообщает письмом парижскому архиепископу (в ответ на предложение последнего, чтобы король приказал организовать молебствия по поводу открытия Генеральных штатов): «Его величество... может только хвалить и одобрить ваши благочестивые намерения, но считает, что моления обычно производятся лишь по поводу общественных ликований либо общественных бедствий, и поскольку ассамблея Генеральных штатов не может рассматриваться ни в одном из этих аспектов, то это не тот случай, когда их (молебствия) следовало бы предписать»¹²¹.

Ввиду предстоявшего 27 апреля открытия Генеральных штатов начальник парижской полиции де Кронь, начиная с 20-го числа, ежедневно посылал королю рапорты о настроении и положении в столице. Они начинаются весьма утешительно: «Совершенное спокойствие царит во всех кварталах Парижа»¹²². 21 апреля де Кронь в том же тоне сообщает, что открывшиеся ассамблеи малочисленны. Все мастерские работают. Царит спокойствие¹²³. К его мнению присоединяется Шатле, начальник французской гвардии¹²⁴.

Монжуа — католический монархический публицист и прародитель многих контрреволюционных легенд времен французской революции, лично наблюдавший все апрельские события, писал, однако, 21 апреля, что в столице все было иначе, чем во дворце: «...казалось находишься в ином веке, в ином мире. Отряды французской и швейцарской гвардии были в полном вооружении, многочисленные патрули пробегали по улицам; крытый рынок был окружен солдатами. Духовенство, благородные, буржуа, каждый направлялся в ассамблею. Рассматривая эту видимость войны, это состязание жителей, покидающих свои очаги, чтобы устремиться в церкви, можно было сказать, что неминуемая опасность угрожает Парижу и что все лицо королевства должно было быть изменено»¹²⁵.

23 апреля де Кронь сообщает королю, что вчера было «некоторое возбуждение» в Сент-Антуанском предместье, «но это происшествие не было связано с какой-либо общей причиной. Оно было лишь следствием недовольства, которое выразили некоторые рабочие против двух предпринимателей мануфактур, которые в ассамблее Святой Маргариты сделали необдуманные заявления о размере заработной платы»; де Кронь в заключение заверяет, что возбуждение быстро улеглось¹²⁶. Анрио впоследствии писал, что «уже за пять или шесть дней до восстания глухое брожение распространилось среди рабочих и вообще в народе. Мы, господин Ревельон и я, казались его объектами, однако мы были лишь его жертвами»¹²⁷.

Множество современников передали слова, сказанные или приписанные Ревельону и вызвавшие «возбуждение», о котором писал начальник полиции. Обычно передавалось, что Ревельон сказал: «15 су в день достаточно для жизни рабочего»¹²⁸. Однако, как это всегда бывает при широком распространении какого-либо факта или слуха о нем, передававшаяся фраза естественно варьировалась. Мольвиль, Гассенфратц, Монжуа и др. передают ее по-разному: «Рабочий при желании мог бы жить на 15 су в день и содержать жену и детей»¹²⁹. «Зарплата рабочего должна быть установлена в 15 су, а хлеб в 3 с половиной су¹³⁰ за фунт не слишком дорог»¹³¹. «15 су в день достаточно, чтобы рабочему жирно прокормиться»¹³². «15 су — плата достаточная, а пшеничный хлеб слишком хорош для них. Их надо питать мукой из картофеля»¹³³. «Рабочие легко могут прожить на 20 су в день и даже на 15 су»¹³⁴. «Народу достаточно 10 су в день, воды и хлеба из отрубей»¹³⁵. Согласно протоколу допроса одного из арестованных в результате восстания рабочих (Ле Бланк), Ревельон «сказал, что рабочие могли бы жить на 15 су в день, что он имел у себя рабочих, которые зарабатывали 20 су в день и носили часы в жилете, что они скоро будут богаче его»¹³⁶. Доброжелатели Ревельона старались найти приемлемое толкование его фразы. Он якобы говорил, что сейчас на 40 су рабочие живут хуже, чем раньше жили на 15. Брошюра «Патриотический акт...» писала, что Ревельон не помышлял о снижении зарплаты, а желал принятия мер, чтобы рабочие могли хорошо питаться на 15 су¹³⁷.

Очевидно, авторам этой брошюры и отвечал в своем «Оправдании» Ревельон. Категорически отрицая какое-либо основание для приписываемой ему фразы вообще, он отказался и от подсказанного ему благожелателями варианта. Его мысль была на уровне экономических идей его класса. «...Ни частное лицо, ни даже администрация не может дать возможность рабочему прожить на 15 су в день: столь значителное уменьшение цен продовольствия не зависит ни от кого»¹³⁸.

Депутат третьего сословия от Мэна в письме из Парижа от 30 мая сообщает, что «почитаемый за свою порядочность и таланты», Ревельон внес ряд предложений по удешевлению средств жизни, что дало бы возможность снизить зарплату и получить выгодные условия для конкуренции за границы. «А слух распространился, что Ревельон потребовал наполовину уменьшить зарплату рабочих»¹³⁹ (курсив наш. — С. Л.).

Монжуа рассказывает, что в разговоре с рабочими, когда он спрашивал их о мотивах недовольства, они отвечали: «А вы бы прожили на 15 су в день?». Они, очевидно, «полагали, — говорит Монжуа, — что господин Ревельон высказал замыслы, направленные к тому, чтобы сделать их условия жизни более жалкими»¹⁴⁰. Даже Монжуа понял, что рабочие восприняли слова Ревельона как угрозу снижения заработной платы. Конечно, не случайно слух о словах Ревельона был сразу же истолкован как требование снижения заработной платы. Существовала практика законодательного регулирования заработной платы по воле отдельных лиц. Известно, например, что мастера, не желавшие повышать зарплату, зачастую требовали этого запрета и от других мастеров¹⁴¹. К тому же Ревельону приписывалось выступление в ассамблее выборщиков от третьего сословия. Этими обстоятельствами объясняется и то, что его слова были восприняты как угроза, общая для всех рабочих.

Что касается двух историков, тщательнее других изучавших дело Ревельона, — Ж.Рюде и Е.В.Тарле, то Тарле¹⁴² считает, что слова о 15 су не были сказаны вовсе (ведь Ревельон оплачивал рабочих во время зимнего простоя). Ж.Рюде¹⁴³ полагает — ссылаясь на донесение де Кроня, — что фраза эта, бесспорно, принадлежит Ревельону. Думается, что этот вопрос никогда не удастся выяснить со всей точностью тем более, что протоколы дистрикта погибли, но все показания современников сходятся на том, что именно эти слова Ревельона или слух о них, т.е., несомненно, вопрос о реальной заработной плате, были главным побудителем движения.

26 апреля (в день, когда король приказал перенести открытие Генеральных штатов на 4 мая)¹⁴⁴ «совершенное спокойствие продолжалось, — по мнению де Кроня, — царить в Сент-Антуанском предместье»¹⁴⁵. Однако 27 числа в 10 ч. 15 м.

утра де Кронь сообщает генеральному прокурору, что, согласно полученному донесению, в Сент-Антуанском предместье черно от людей¹⁴⁶. По показаниям ряда современников¹⁴⁷, около 3 часов дня у ворот Сент-Антуанского предместья собралось от 500 до 600 рабочих. Услышав об этом, де Кронь сразу призвал начальников французской и швейцарской гвардий. В течение трех часов происходила бурная народная демонстрация. Во главе толпы шел барабанщик. Несли виселицу с изображением Ревельона и прикрепленный к шести письменный приговор. Приговор гласил: «Постановление Третьего сословия, которое судит названных Ревельона и Анрио и приговаривает их быть повешенными и сожженными в общественном месте»¹⁴⁸. Еще накануне уличные мальчишки объявили о приговоре, осуждающем Ревельона¹⁴⁹.

Первая остановка манифестации и чтение приговора состоялись на Королевской площади. На Гревскую площадь, по показаниям Гарди, пришло около 3 тыс. человек. Большими жердями останавливали экипажи, чтобы они не мешали прохождению толпы¹⁵⁰. На Гревской площади («на которой происходили оглашения мира и была осуществлена добрая часть смертных приговоров»¹⁵¹) сожгли чучело Ревельона, после чего вернулись в Сент-Антуанское предместье¹⁵². Дом Ревельона охранялся, и толпа набросилась на дом Анрио, которому, так же как и Ревельону, приписывались враждебные высказывания. Подробности разгрома дома Анрио мы узнаем из протокола полицейского комиссара. От дома были оставлены одни стены. Двери, окна и вообще все деревянные части здания были выворочены, камин разбит, обои сорваны со стен. Выпустили лошадей, а также домашнюю птицу. Белье, одежду, мебель, роскошно отделанные кабриолеты — все это выбрасывали на улицу и «с жестокой радостью» предавали огню¹⁵³.

Вечером 27 апреля де Кронь доносил о бескровном успокоении в Сент-Антуанском предместье. В письме, написанном 27-го вечером, интернунций сообщает нунцию о словах Ревельона, о возникшем мятеже, о временном закрытии лавок, но добавляет, что все успокоилось, все разошлось и «не стоит уже труда этим заниматься. Может быть, сам Ревельон будет ночью разбужен, но так ему и надо за его неосторожность»¹⁵⁴.

28 апреля утром рабочие, придя на работу, говорили, что «будет еще шум» (tintamarre)¹⁵⁵. Де Кронь тогда же сообщает генеральному прокурору: «Толпа значительно возросла, к ней присоединились люди других кварталов»¹⁵⁶. Де Кронь предусмотрительно приказывает не выпускать рабочих зеркальной мануфактуры из здания¹⁵⁷. В два часа для полицейский агент Фортен, находившийся в Сент-Антуанском предместье и информировавший до Кропя, сообщает последнему, что его приказ нарушен. После посещения восставшими рабочими зеркальной мануфактуры последние явились вооруженные камнями, которыми они стали забрасывать французских гвардейцев. Последние еще в час дня получили приказ палить из ружей и рубить саблями. Фортен сообщает: «...в то время как войска заняты в верхней части Сент-Антуанского предместья, рабочие вламываются в сени домов и лавок, чтобы силой присоединить к себе находящихся там рабочих»¹⁵⁸.

О том же сообщает современник событий, находившийся в Париже, друг Жильбера Ромма — Демишель: «...восставшие рассеялись по предместью, где они принуждали рабочих уходить из своих мастерских и присоединяться к ним, они также принуждали присоединяться всех любопытствующих и всех тех, которые в это время находились в предместье по своим делам»¹⁵⁹.

В письме, написанном около часу дня, де Кронь сообщает о прибытии в Париж новых воинских подкреплений. В 4 ч. 30 м. пополудни Фортен доносит, что повстанцы, разгромив дом Ревельона, предав огню все его имущество, выброшенное из окон, взобрались на крышу и забрасывали оттуда солдат черепицами, камнями, обломками труб¹⁶⁰. Тулонжон (свидетельство которого очень высоко ценится Оларом¹⁶¹) сообщает, что повстанцы с криком: «Мы ничего не хотим брать!» — расстреливали на месте всякого, кто делал попытку присвоить себе вещь, вместо того, чтобы предать ее огню¹⁶². Фортен сообщает, что одного не то тяжело раненого, не то убитого кавалериста «несли буржуа, окружив его, имея в руках подобие знамени: на конец палки был надет платок. Один из них нес шляпу и саблю пострадавшего»¹⁶³. В шесть часов вечера Фортен сообщает, что прибыло еще 600 человек французских и швейцарских гвардейцев¹⁶⁴. Монжуа оставил нам описание этого момента: «...несчастные валились с крыш. Стены, обгаренные кровью, вызывали отвращение. Мостовая была покрыта еще трепещущими кусками тел». В доме каждый сопротивлялся до тех пор, пока, «проткнутый штыком, выбрасывался на улицу»¹⁶⁵. Отмечалось также: «Солдаты встречали здесь сопротивление, граничившее с чудом... Не было ни одного, которого не пришлось бы целиком изранить и лишиться всякой возможности защищаться для того, чтобы сорвать его с того места, на котором он находился»¹⁶⁶. Гассенфратц писал 28-го вечером: «Я получил твое письмо, дорогой друг, возвратившись после присутствия на бойне, сиречь и избииении этих несчастных рабочих Сент-Антуанского предместья. Какое сопротивление!.. Я видел уйму людей, искалеченных и окровавленных; одни шли, поддерживаемые своими товарищами, других несли на носилках, на жердях, на стремянках и т.д. ...Я видел прибытие пушек. Я ничего больше не хотел видеть...»¹⁶⁷.

Жестокость расправы, залпы по людям, находящимся на крышах, пущенные в ход штыки — все это ужаснуло даже тех, кто не был сторонником повстанцев. Так, автор, считавший Ревельона «отцом и благодетелем» рабочих, пишет: «...расправа была ужасна; всякого, находившегося на крышах, убивали ружейным выстрелом, а все, находившиеся подвалах или комнатах, были обречены на то, чтобы быть проткнутым штыком».

Находившийся в Париже капитан Страсбургского гарнизона Дамарен, услышав шум за обедом, отправился из любопытства в Сент-Антуанское предместье и затем записал, что он видел. «15—16 сотен самых злосчастных покрытых лохмотьями отбросов нации... Более 100 тысяч человек всех полов, возрастов и положений, весьма затрудняли действия войск»¹⁶⁹. Около 6 часов Фортен пишет о сильных залпах и большом количестве раненых. К моменту отправки письма прибыл отряд войск с двумя пушками¹⁷⁰.

Хотя сообщение депутата третьего сословия из Пуату Поренса о том, что были произведены орудийные выстрелы, не подтверждается¹⁷¹, но, по единодушному свидетельству многих современников, прибытие пушек само по себе прекратило сопротивление¹⁷².

Вечером, после подавления восстания, депутат третьего сословия Монти был остановлен группой людей, которые справлялись с его принадлежности к третьему сословию¹⁷³. Дамартен, возвращаясь к прерванному обеду, постоянно встречал маленькие группы людей, которые предлагали ему кричать «Да здравствует Неккер, да здравствует третье сословие!» «Наши постоянные отказы, — добавляет он, — не навлекали на нас никаких оскорблений»¹⁷⁴.

В этот день произошло разграбление двух булочных и одной колбасной. Забравшие в булочной хлеб повстанцы выносили его женщинам, ожидавшим за углом. Один чрезвычайно тяжело раненный подмастерье был найден хирургом сидящим на мостовой с двумя хлебами по бокам.

В этот день, 28 апреля, в Венсене происходили бега. Проезжавший через Сент-Антуанское предместье герцог Орлеанский мирно беседовал с рабочими¹⁷⁶. В этот же день парламент опубликовал запрещение скопляться, врывать в дома и т.д. под страхом чрезвычайных наказаний¹⁷⁷. Восстание еще не было подавлено, но уже вышла декларация короля, назначавшего в целях «обеспечения спокойствия граждан» ускоренный превотальный суд (приговор которого не подлежал обжалованию) для срочного рассмотрения дел повстанцев¹⁷⁸. Единогласно тайным голосованием (но по предварительной рекомендации короля) был избран новый купеческий старшина Флессель¹⁷⁹. Как писал маркиз Феррьер, «пока в Париже душили друг друга», в Версале «разрабатывали спектакль» открытия Генеральных штатов¹⁸⁰. Пармский посланник еще весело острил: «Пышный наряд благородных — удобный повод для дам принести свои перья в жертву государственному благу»¹⁸¹.

Были ли в этот самый напряженный день восстания провозглашены какие-нибудь лозунги? По свидетельству Тулонжона, раздавались крики: «Свободы, свободы!»¹⁸². Жанна Трюмо рвала бумажные рулоны, испуская яростные возгласы против Ревельона, а ведя толпу к дому Ревельона, провозглашала: «Идемте, да здравствует третье сословие!»¹⁸³. Имеются данные, что при встрече с двумя выборщиками третьего сословия раздались возгласы: «Да здравствуют выборщики, пусть они защитят наши интересы перед королем!»¹⁸⁴. Гарди записал в своем дневнике, что 28-го числа, около 5 часов, в разных частях Парижа, например на Новом мосту, скопленный народ останавливал экипажи, заставлял сидевших в них кричать: «Да здравствует король! Да здравствует Неккер! Да здравствует третье сословие!»¹⁸⁵ То же самое сообщает упоминавшийся уже нами Демишель¹⁸⁶.

Монжуа рассказывает, что во время мессы в Версале, перед началом которой была опубликована прокламация короля о перенесении открытия Генеральных штатов на 4 мая, народ кричал: «Да здравствует король, да здравствует третье сословие!». Он отмечает, что сочетание таких возгласов наблюдалось впервые в истории французской монархии¹⁸⁷. Очевидно, данный лозунг был в эти дни наиболее популярен.

Де Кронь еще в разгар боя принял меры к обеспечению хлеботорговли на 29-е, и современник наивно пишет: «Ночь, а еще больше благоразумие руководителей, принявших столь мудрые меры, привели к тому, что все было спокойно на следующее утро к открытию хлебного рынка»¹⁸³.

В это «спокойное утро» (разносчики кричали о законе о превотальном суде, а в больнице продолжались начатые ночью допросы раненых:

един умер, не успев о себе ничего сообщить, двое других успели лишь слегка удовлетворить любопытство полицейских комиссаров¹⁸⁹. В суматохе, страхе и страданиях еще не думали о подсчете жертв. Погибло много и не причастных лиц, как, например, пыльщик, который шел на работу, но, будучи по дороге ранен, умирал теперь на квартире своей сестры. Спешно был оформлен смертный приговор двум из 30 арестованных. Ко времени казни на улицы Сент-Антуанского предместья устремились любопытные — пешком, верхом на конях, в роскошных колясках. Кабриолет барона Венцеля, спешившего в сопровождении дамы на казнь, чуть не раздавил злополучного аббата Руа¹⁹⁰. Войск было столько, что «триумфальный въезд победителя в город, взятый приступом, не мог быть более пышным, нежели шествие этих двух несчастных к месту их казни»¹⁹¹. «Сент-Антуанский квартал имел вид города, взятого приступом»¹⁹². Анонимный автор говорит, что «никогда еще палач не видел себя под такой хорошей охраной»¹⁹³. Малеси, офицер, дежуривший у виселицы, свидетельствует, что количество войска обеспечивало спокойствие присутствовавшего при казни народа¹⁹⁴. Однако, по признанию самих судей, они вздохнули свободно только после казни¹⁹⁵. Один из двух казненных имел в кармане кусок зеркала, на другом были надеты три рубашки¹⁹⁶. Никаких доказательств их вины не было¹⁹⁷. Обоим было по 40 лет. Один был грузчик-посыльный (gagne-denier), другой — кровельщик. Последний оставлял жену и четверо детей. По словам Гарди, он дерзко оглядывался и не хотел слушать священника. Гарди сообщает, что в этот день убили еще несколько человек, нападавших на конную стражу¹⁹⁸.

30 апреля де Кронь сообщает королю, что в Сент-Антуанском и Сен-Марсельском предместьях все спокойно, все работают. Приняты меры снабжения хлебом, и в 7 ч. 30 м. вечера еще имеется хлеб, который рабочие могут покупать после работы¹⁹⁹. В предместье по-прежнему совершались экскурсии в экипажах, хозяева которых осматривали разрушенные дома и слушали повесть о 76-летней служанке, которая осталась верна Ревельону и пыталась кое-что спасти из его имущества, за что в августе 1789 г. была отмечена Академией²⁰⁰.

Барер, прибывший в Париж в начале мая, писал: «Весь Париж в большом волнении по поводу восстания у Ревельона»²⁰¹. А Бальи, бывший в центре событий, записал в своих мемуарах: «Я не знал, погиб ли хоть кто-нибудь, но господин Ревельон понес очень серьезный ущерб»²⁰². Наступило время подсчитать трупы и рассчитаться с оставшимися в живых.

По приговору от 18 мая, приведенному в исполнение 22 мая, двое были присуждены к смертной казни, а пятеро, арестованных в состоянии опьянения, — к вечной каторге с предварительным покаянием и стоянием у позорного столба с клеймением. 22 дела были отсрочены; 1 человек, а именно орденосец, не был арестован вовсе. 22 фамилии названы ко всеобщему сведению в целях розыска.

Мари, бывший лакей папского нунция, затем служивший переписчиком, обвинялся в том, что отнимал сабли у низших офицеров. 22 мая он был казнен. Мелкая торговка Мари-Жанна Трюмо, жена грузчика-посыльного Бертена, обвинялась в яростном призыве к разрушению. Она не была казнена ввиду того, что была беременна²⁰³. О степени конкретной виновности осужденных можно получить некоторое представление на примере Фарселя, арестованного в пьяном виде в подвале Ревельона²⁰⁴. Его бывший хозяин пишет 19 марта 1790 г., что он «оказался втянутым в толпу и зря был арестован в числе мятежников»²⁰⁵. 7 сентября 1790 г. сам прокурор пишет о приговоре Фарселю как «необходимом для обуздания народных эксцессов, но суровость которого могла бы быть смягчена»²⁰⁶. И в то время как в бурном потоке революции трагедия «дела Ревельона» быстро забывалась современниками (ибо восстание это не лежало, как совершенно правильно указывает Лефевр, на главном пути революции²⁰⁷), один из участников этой трагедии, больной и совершенно беспомощный, затерялся под номером 27169 в Брестской каторжной тюрьме. В последний раз о нем упоминается в марте 1792 г. в письме его бывшего хозяина²⁰⁸.

Как шло следствие? Рюде правильно считает, что власти верили в подкупленность участников движения и поэтому на допросах старались узнать лишь что-нибудь о подкупе²⁰⁹. Однако, судя по таким сообщениям, как заявление прокурора Фландр де Бренвиля о том, что следствие «продолжается с большой активностью, заслушано более 145 свидетелей»²¹⁰, или Вильдейля — о мерах, принятых для установления личности 5—6 мятежников, игравших главную роль в мятеже, как барабанщик и знаменосец²¹¹, есть основание полагать, что должен существовать еще ряд неиспользованных документов, относящихся к «делу Ревельона».

Количество убитых и умерших от ран установить трудно. По показаниям современников, оно колебалось от 200 до 500 человек. Установление цифры погибших затруднялось еще тем, что многие умирали дома, по официальным данным, было всего 25 убитых, 22 раненых и 35 арестованных²¹².

Из 71 человека, профессии которых были установлены, оплачиваемыми рабочими оказались 58, среди них рабочие зеркальной мануфактуры, подмастерья самых разных профессий и грузчики-посыльные²¹³. Только трое не имели постоянного местожительства. Хотя ни у кого, кроме рабочего-бумажника Сирье²¹⁴, вообще не было обнаружено денег, тем не менее существовала легенда о подкупе, немедленно пущенная в ход при объявлении причин восстания.

Слишком непонятным было это восстание и непохожим на прежние. И мнения современников о причинах его разделились соответственно существовавшим в обществе двум основным лагерям, представители которых взаимно обвиняли друг друга в провокации. И так как общим для обоих лагерей было презрение к низам или, в лучшем случае, непонимание их, то обе стороны немедленно обвинили друг друга подкупе этих низов. Версия о провокации связана с версией о подкупе.

Монжуа утверждал, что «глухой, но почти всеобщий слух в обществе» указывал на герцога Орлеанского как на человека, спровоцировавшего восстание. Монжуа полагает, что герцог стремился свергнуть Париж в такую смуту, чтобы парижане бросились в его объятия²¹⁵. Разгромили же Ревельона потому, что тот отказался предоставить герцогу Орлеанскому своих «спокойных и трудолюбивых рабочих» для участия в мятеже. Конечно, утверждает Монжуа, Анрио и Ревельон знали правду, но боялись о ней сказать²¹⁶.

Радикально настроенная часть общества в свою очередь обвиняла двор в провоцировании восстания, полагая, что королю выгодно было развязать бойню с тем, чтобы заполнить Париж войсками и помешать Генеральным штатам. Об этом говорят Рабо Сент-Этьен²¹⁷ и ряд авторов современных брошюр. Автор истории французской революции, изданной в 1791 г., считает аббата Руа одним из агентов двора и организатором движения²¹⁸.

Безенваль считал, что восстание было спровоцировано англичанами, а правительство преступно бездействовало²¹⁹.

В дальнейшем прогрессивные историки в основном разделились на два лагеря. Одни рассматривали восстание как эпизод из истории рабочего движения. Среди них надо прежде всего упомянуть Луи Блана, которому удалось, никак не обосновывая своего утверждения, очень ярко, однако, его сформулировать: «Таким образом, издавдалека возмущался трагический вопрос пролетариата... Но никто еще не подозревал этого и называл мятежом сложнейший вопрос будущего, внезапно поставленный восстанием»²²⁰. Марсель Руфф считает, что по причинам и социальному составу восстание было «рабочей демонстрацией»²²¹. К такой же точке зрения, но существу, примыкают и некоторые высказывания Матьеза²²² и Лефевра²²³. Но не говоря о Жоресе²²⁴, Бодоне²²⁵, Колло²²⁶, Жаффе²²⁷ и других, два историка, больше иных уделивших внимания изучению так называемого «дела Ревельона», — Тарле и талантливый новейший исследователь народных движений Жорж Рюде, — стоят на иной точке зрения. Тарле пишет о «внезапной и крутой разрядке нервного напряжения» голодных масс²²⁸. Рюде, заявляя, что даже для истории самого рабочего движения важнее всего участие рабочих в борьбе за хлеб, считает, что в восстании Ревельона стоял не столько вопрос о заработной плате, сколько о дороговизне хлеба²²⁹.

Как мы уже отмечали, такая постановка вопроса страдает односторонностью. Номинальная зарплата ведь всегда интересует рабочих в соотношении с ценами, т.е. по существу их интересует только реальная зарплата, а о номинальной вопрос ставится потому, что рабочим легче влиять на ее уровень, чем на уровень цен. Поэтому, естественно, даже в значительно более поздних восстаниях неизбежно возникал вопрос и о хлебе. Но в восстании Сент-Антуанского предместья скорее поражает как раз ничтожно малая роль, уделенная этому вопросу восставшими.

Очень показательно, что в дни восстания современники связывал слух о словах Ревельона с вопросом о реальной заработной плате. Очевидно, эта точка зрения была очень распространена, ибо мы находим ее не только у авторов брошюр, но даже в донесении английского посла. Так, 30 апреля, сообщая в Лондон о восстании и о словах Ревельона, английский посол Дорсет пишет, что рабочие «*требовали повышения заработной платы в связи с возрастанием цены на хлеб*»²³⁰ (курсив наш. — С. Л.).

* * *

К каким же выводам можно прийти на основе приведенных данных. В начале статьи мы отметили, что восстание поразило современников как бы своей загадочностью. Что же в нем было нового, своеобразного, поразившего их?

Современникам были, в основном, знакомы три вида городских народных движений: голодные «бунты», политические движения и чисто рабочие выступления на экономической почве. Участниками двух первых видов движений тоже могли быть по преимуществу рабочие²³¹. Но голодные бунты сопровождались попытками таксации, разгромом складов (как во время «Мучной войны» 1775 г. или в том же апреле 1789 г. в Марселе, где требовали таксации хлеба и мяса²³², и в Орлеане, где разгромили амбары оптового купца и разнесли его дом²³³). Политические выступления вызывались определенными конкретными событиями и отражались в конкретных лозунгах и действиях. Так, например, в 1788 г. носили чучело Ломени де Бриенна в сутане, сшитой на две пятых из бумаги и на три пятых из шелка, что являлось намеком на указ о выплате ценными бумагами платежей различных касс; кричали «мадам дефицит» и т.д.²³⁴

В рабочих выступлениях участвовали обычно рабочие одной профессии, а главное, в них выставлялись вполне конкретные требования. Следовательно, современников поразило именно то, что апрельское восстание не было похоже ни на один из прежних видов народных движений, ибо восставали рабочие не только одной и не только смежных профессий и при этом они не выставляли как будто никаких собственных лозунгов и требований.

Своеобразие восстания, его отличие от прежних движений состояло в том, что впервые восставшие рабочие боролись не за требования более широких слоев населения (как таксация или созыв Генеральных штатов) и не за конкретные профессиональные требования, а выступали как однородная социальная группа. У восставших не было сформулированных

классовых лозунгов — рабочий класс на той ступени экономического развития Франции еще не мог быть классом «для себя». Но всеми действиями восставшие рабочие разных профессий Сент-Антуанского предместья ярко выразили протест против своего тяжелого положения, против угрозы его дальнейшего ухудшения. Восставшие выступили против угрозы уменьшения зарплаты. На допросах в качестве причины восстания указывали на слова Ревельона. И отнюдь не случайно в брошюре современника, анализировавшего «Ревельонское дело», говорится, что для Ревельона «*капли крови и пота рабочих были равносильны жемчугу*»²³⁵ (курсив наш. — С. Л.).

2. Восстание воплотило в себе и черты начального периода рабочего движения и вместе с тем его значительные потенциальные силы.

Как выше указывалось, рабочие уже противопоставляли себя отдельному работодателю, но не противопоставляли еще себя буржуазии как классу. Этим объясняется видимое противоречие апрельского восстания, когда яростные восклицания «Долой Ревельона!» (а заодно Анрио и других конкретных недругов рабочих) сочетались с отдельными возгласами: «Да здравствует третье сословие!», хотя Ревельон, которого громили рабочие, был выборщиком как раз от третьего сословия Парижа и, как мы выше указывали, передовым человеком своего класса.

Однако уже на этой стадии рабочего движения потенциальные силы его выразились в стойкости и ярости восставших и в ярких проявлениях чувства солидарности. Рабочему движению домашнего производства свойственно обособление по профессиям, предприятиям, по территориальному признаку. Мы видели, как обособление по последнему признаку стало преодолеваться рабочими-бумажниками. А общность между разными профессиями, чуть намечавшаяся в апреле 1786 г., сейчас в апреле 1789 г., реализовалась в крупном и кровопролитном восстании.

3. Обстоятельства апрельского восстания освещают довольно темную еще для науки область истории французского рабочего движения второй половины XVIII в. Оно выпукло отражает наиболее характерные черты его. Исчерпывающая история апрельского восстания может и должна явиться заключительной главой глубокого исследования дореволюционного рабочего движения Франции XVIII в.

При исследовании истории апрельского восстания до сих пор не затрагивался вопрос о возможном наличии элементов организации. Между тем все, что мы знаем о дореволюционном рабочем движении в Париже и об апрельском восстании²³⁶, дает основания предположить, что настойчивые поиски новых документов и материалов могли бы оказаться плодотворными.

Для примера укажем на одну из многочисленных линий, по которой должны направиться такие изыскания: изучение условий работы и жизни рабочих предприятий бумажной промышленности Сент-Антуанского предместья.

Следующие обстоятельства говорят в пользу целесообразности такой линии изысканий: а) известно, что рабочие бумажной промышленности были очень активны; б) в Сент-Антуанском предместье было семь предприятий бумажной промышленности с 286 рабочими²³⁷; в) по делу о восстании было арестовано 5 рабочих, имевших отношение к бумажной промышленности²³⁸.

Рассматривая апрельское восстание как звено в истории рабочего движения Франции XVIII в., мы этим совсем не имеем в виду отрывать его от событий нараставшей буржуазной революции.

«Брожение умов», присущее революционной ситуации, не могло не повлиять на рабочих, а восстание рабочих в Сент-Антуанском предместье, в свою очередь, не могло не расшатывать дворянское государство. И не случайно, по единодушному свидетельству современников, обстановка, в которой происходило подавление восстания, была совсем необычной: она как бы знаменовала, по словам Тулонжона, конец «привычного старого повиновения»²³⁹.

1 A.B. de Moleville. Histoire de la Revolution de France pendant les dernieres annees du regne de Louis XVI, t.I. Paris, 1801, p.153.

2 Chassin. Lcs elections et les cahiers de Paris en 1789, t. III (четырёхтомная выборочная публикация документов издавалась в серии «Collection des documents relatifs a l'histoire de Paris pendant la Revolution francaise», 1688—1889).

3 J.Jaures. Histoire socialiste de la Revolution francaise, t.I. Paris, 1927, p.141; см. также A.Tuetey. Repertoire general des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Revolution francaise, t.I. Paris, 1890, p.XIX; J.Collot. L'affaire Reveillon. «Revue des questions historiques», mars 1935, № 2, p.249—250.

4 Ch. Schmidt. La crise industrielle de 1788. «Revue historique», t.97, 1908, p.78.

5 См. *ibid.*, p.93.

6 Bonassieux et belong. Conseil du Commerce et bureau du Commerce 1700—1791, Inventaires analytiques des prococs-verbaux. Paris, 1900, p.448.

7 Казна была пуста. Но тот же Толозан отмечал, что Неккер ежедневно делает чудеса по раздобыванию «денег для помощи безработным» (Schmidt. *Op.cit.*, p.90).

8 *Ibid.*

9 См. Boncerf. De la necessite et des moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers. (Б-ка ИМЛ при ЦК КПСС). «Мирные и счастливые завоевания (провинций, «завоевываемых в недрах королевства»), которые не вызовут ни печали, ни слез и, предоставив всем безработным работу, дадут в изобилии средства к жизни» (p.9). Автор рисует огромные возможности получения технических культур, мяса, масла и т.д. без затрат на импорт (p.3). Эти мероприятия избавили бы общество от опасного скопления в столице безработных (p.1—2). Необходимо «срочно занять праздные руки я обеспечить хлебом и работой тех, кому недостает первого в силу отсутствия второго. Опасно оставлять их дальше в жестокой и угрожающей праздности» (p.13).

10 Schmidt. *Op.cit.*, p.90.

11 См. *ibid.*, p.84—85.

12 M.Rouff. Le personnel des premieres emeutes de 89. «La Revolution francaise», t.LVII, 1909, p. 216.

13 Автор имеет здесь в виду как рабочих, так и самостоятельных ремесленников, за что Матьез подверг его справедливой критике. Впрочем, практическое различие в источниках подмастерья от мастера и самостоятельного ремесленника представляет часто непреодолимые трудности. Рюдо привел случаи, когда подмастерья-каменщики имели рабочих, а ученики-парикмахеры свои будки (G.Rude. Les ouvriers parisiens dans la Revolution francaise. «La Pensee», 1953, № 48—49, p.110). Матьез считает, что когда наименование ремесла не предваряется словом подмастерье, то можно считать данное лицо самостоятельным ремесленником или мастером. Однако документы опровергают такое предположение. Так, например, в приговоре от 18 мая по «делу Ревельона» написано Parcel gazier (Chassin. *Op.cit.*, t.III, p.90). Однако из других документов выясняется, что он подмастерье—рабочий. За него активно хлопочет его бывший хозяин, у которого он работал ряд лет (Tuetey. *Op.cit.*, t.I, № 3417, p.380). В том же приговоре говорится о шорнике Ле Бланке, который по ряду данных являлся подмастерьем. Рюдо предлагает пользоваться также указанием на наем жилища и в этом случае считать работника подмастерьем (A.Mathiez. Notes sur l'importance du proletariat en France a la veille de la Revolution francaise. «Annales historiques de la Revolution francaise», 1930, № 42/6, p.513; G.Rude. La composition sociale des insurrections parisiennes de 1789 a 1791. «Annales historiques...», 1952, t.24, p. 267).

- 20 С.м. F.Braech. Essai de statistique de la population ouvriere de Paris vers 1791. «La Revolution trancaise», 1912, p.320.
- 21 См. Gobert. Le district des Enfants trouves au faubourg Saint-Antoine en 1789. «La Revolution francaise», 1938, p.263.
- 22 Soreau. Ouvriers et paysans de 1789 a 1792. Paris, 1936, p. 146.
- 23 E.Levasseur. Histoire des classes ouvrieres et de l'industrie en France avant 1789, t.II, p.833.
- 24 Мы остановимся в нескольких словах на описании мануфактуры Ревельона и мануфактуры зеркал, ибо рабочие второй, как это точно известно, участвовали в восстании, а рабочие первой, как можно судить по ряду косвенных признаков, в восстании участия не принимали.
- 25 См. «Expose justificatif pour le sieur Reveillon entrepreneur de la Manufacture royale de papiers peints, faubourg St-Antoine». Перепечатано полностью в кн. Ferrieres. Memoires, vol.I. Paris, 1821. Eclaircissements historiques et pieces officielles. Note A, p.427—438.
- 26 «Ревельон платил рабочим от 30 до 50 су» (J.P.Rabaut. Almanach historique de la Revolution francaise pour l'annee 1792. Paris, p.70).
- 27 Большинство получало 30—40 су, некоторые 50 су, а минимальная оплата была 25 су (см. Е.В.Тарле. Крестьяне и рабочие в эпоху Великой Французской революции. Пг., 1922, стр.87).
- 28 4-я категория — дети, оплачиваемые от 8 до 15 су.
- 29 Thiery. Guide des amateurs et des etrangers voyageurs a Paris ou Description raisonnee de cette Ville, de sa Banlieue et de tout ce qu'elles contiennent de remarquable, t.I. Paris, 1787, p.659.
- 30 См. Fremy. Histoire de la manufacture royale des glaces en France dn XVIIe et XVIIIe ss. Paris, 1909, p.298.
- 31 См. ibid., p.190.
- 32 См. ibid., p.314.
- 33 См. ibid., p.315
- 34 См. Fremy. Histoire do la manufacture royale des glaces en France du XVII et XVIII ss., p.315—316. Политика совмещения очень жесткого распорядка с незначительными поощрениями была общепринятой на всех мануфактурах. Так, согласно § 8 регламента организованной в 1770 г. и закрывшейся накануне революции шерстяной мануфактуры, «денежные награды» будут даваться каждые три месяца «хорошим рабочим а отличившимся прядильщицам». Однако премиальный фонд составлялся из штрафов, которым по мельчайшим поводам подвергались рабочие (Ligou. Un reglament de manufacture a la fin du XVIII siecle. «Revue d'histoire economique et sociale», 1953, № 3).
- 35 По Франции плата за жилище исчисляется и взимается поквартально. 86 См Jaffe. Le mouvement ouvrier a Paris pendant la Revolution francaise (1789—1791). Paris, 1924, p.25. Leon Cahen приводит данные о росте цен на жилища в XVIII в. в Сент-Антуанском предместье. См. его статью «Recherches sur l'agglomeration parisienne au XVIII s.» в журнале «Vie Urbaine», 1922, № 13, p.137.
- 37 Chassin. Op.cit., t.III, p.377.
- 38 См. H.See. La vie economique et les classes sociales en France au XVIIIe s. Paris, 1924, p.131.
- 39 В праздники и воскресенья обычно запрещалось работать, а в понедельник не работали по старой традиции.
- 40 См. J a f f e. Op. cit., p. 26—27.
- 41 Брошюра «Жалоба бедного народа, адресованная Генеральным штатам» (Chassin. Op.cit., t.II, p.589—591).
- 42 Руководство мануфактур смотрело на этот вопрос по-иному. В 1788 г. директор Сен-Гобенской мануфактуры заявил кардиналу в Лане, что он не может «найти другого способа помешать своим рабочим напиваться в праздники и воскресенья, нежели заставить их работать». Кардинал промолчал, директор принял молчание за знак согласия (Fremy. Op.cit., p.303).
- 43 Schmidt. Op.cit., p.83.
- 44 См. H.Grange. Necker juge par Karl Marx. «Annales historiques...», 1956, № 142/1, p.61.
- 45 См. G.Lefebvre. Etudes sur la Revolution francaise. Paris, 1954, p.161.
- 46 См. Jaffe. Op.cit., p.29—30.
- 47 См. Lefebvre. Op.cit., p.166.
- 48 Monin. Op.cit., p.319.
- 49 См. ibid.
- 50 См. Chassin. Op.cit., t.II, p.551.
- 51 «Paris aujourd'hui». См.прим.18.
- 52 Правительство принимало меры к ввозу зерна. 23 ноября 1788 г. оно установило премии для импорта зерна из Америки, 11 января 1789 г. — для зерна и муки, доставляемых из европейских портов. 20 апреля 1789 г. премия была удвоена (см. Buchcz et Roux. Histoire parlementaire, t.I, p.283).
- b3 «Inventaire sommaire des Archives Departementales anterieurs a 1790», Seine-pt-Oise, t.II. Versailles, 1880. Archives civiles, Serie E, p.6.
- 54 См. ibid., p.5.
- 55 «Inventaire sommaire...», p.5.
- 56 См. Henriot. Expose justificatif. См. Chassin. Op.cit., t.III, p.122.
- 57 См. Cahen. La question du pain a Paris a la fin du XVIII siecle. «Cahiers de la Revolution francaise», № 1, p.63.
- 58 То есть по 8 су за четырехфунтовый хлеб.
- 59 G.E.Rude. La taxation populaire de mai 1775 a Paris et dans la region parisienne. «Annales historiques...», 1956, № 143/2, p.177—178.
- 60 Ibid., p.127.
- 61 «Entre d'un patient de la porte Saint-Antoine aux francois 1789», p.9 (Б-ка ИМЛ).
- 62 «Le parchemin en culottes. Amsterdam, 1784, p.43 (Б-ка ИМЛ).
- 63 Рецензия на кн. Soreau. Ouvriers ot paysans de 1789 a 1792. «Annales historiquos...», 1937, p.372.
- 64 Hardy (Simeon-Prosper). Mes loisirs ou journal d'evenements tels qu'ils parviennent a ma connaissance (1764—1789). В 1912 г. издан первый том (1764—1773). Рукопись хранится в Национальной библиотеке в Париже.
- 65 См. Flammermont. Memoire sur les greves et les coalitions a la fin do l'Ancien regime. «Bulletin du Comite des Travaux historiques et scientifiques. Section des Sciences economiques et sociales», 1894, p.198.
- 66 Указом 2 января 1749 г. запрещались ассоциации, створ с целью регулирования найма рабочих, повышения зарплаты, продолжительности рабочего дня. Запрещалось покидать работу до окончания начатого дела и т.д. (см. A.Crouzel. Etudes historiques, economiques et juridiques sur les coalitions et les greves dans l'industrie. Paris, 1887, p.77).
- 67 Jourdan, Decrusy, Isambert — «Becueil general des anciennes lois trancaises», t.27. Paris, p.78—80.
- 68 E.Levasseur. Histoire des classes ouvrieres... avant 1789, t.II. Appendice, piece C. Edit du roi portant suppression des jurandes, § XIV, p.876.
- 69 Flammermont. Memoire sur les greves..., p.196.
- 70 Flammermont. Memoire sur les greves..., p.198.
- 71 Ibid.

С. А. Потте. «Дело Ревельона»

© Vive Liberta 2006

- 72 Было издано даже специальное запрещение рабочим и грузчикам Сент-Антуанского предместья объединяться и петь оскорбительные песни перед дверями купцов.
- 73 Поводом к этой стачке явились новые правила, согласно которым к поденной зарплате было добавлено 5 су, но с запретом уносить хоть кусочек строительного материала. Стачка проводилась активно по всем мастерским (см. G.Martin. Les associations ouvrieres au XVIIIe s. Paris, 1900, p.138).
- 74 Ibid., p.138.
- 75 См. Flammermont. Memoires sur les greves..., p.200—202; M.Rouff. Une greve de gagne-deniers en 1786 a Paris. «Revue historique», t.CV, 1910, p.335—347. Основным и почти единственным источником для обоих авторов служил «Дневник» Гарди.
- 76 Gagne-deniers — в буквальном переводе «зарабатывающие гроши». Они нанимались для погрузки и разгрузки товаров, перевозки их, а также для выполнения различных поручений.
- 77 Так как это были цвета ливреи министра двора Бретейля, то остряки прозвали их «бретейловскими попугаями».
- 78 Полиньяки, министр двора, начальник городской стражи.
- 79 Комиссар не решился сам на его арест и испросил санкцию начальника полиции де Кронь. Санкция, конечно, была дана. К сожалению, личность этого «агитатора» не привлекла внимания историков.
- 80 Приговоры были сравнительно мягкими: штраф, позорный столб, изгнание из Парижа. Во время стояния у позорного столба присутствующие производила денежные сборы в пользу приговоренных.
- 81 Мы делаем исключение для бумажников в связи с тем, что Ревельон был предпринимателем и вне Парижа, а главное, ввиду того, что рабочие-бумажники имели организацию, которая считалась общезащитной.
- 82 E.Levasseur. Histoire des classes ouvrieres et de l'industrie en France apres 1789, t.I, Paris, 1867, p.12.
- 83 Encyclopedic Methodique. Серия Arts et Metiers mecaniques, tome cinquieme, MDCCLXXXViii, p.553.
- 84 Ibid., p.553—555.
- 85 См., напр., A. des Cilleuls. Histoire et regime de la grande Industrie en France au XVII et XVIIIe siecles, Paris, 1898, p.170, Note 913.
- 86 «Вне бумажной промышленности мануфактуры не знали организованных рабочих, они организовывали коалиции, стачки, но не ассоциации» (G.Martin Op.cit, p.91).
- 87 За принятие рабочих без увольнительной из Курталена.
- 88 См. H.Bourde de la Rogerie. Notes sur les papeteries aux environs de Morlaix depuis le XVIe siecle jusqu'au commencement du XIXe. «Comite des travaux historiques et scientifiques. Bulletin hist. et philol., Annee 1911». Paris, 1912, p.345.
- 89 Ibid., p.346.
- 90 См. Briquet. Associations et greves d'ouvriers papetiers en France aux XVIIe et XVIIIe siecles. «Revue Internationale de Sociologie», 1897, p.178.
- 91 Ibid., p.183.
- 92 В иных случаях хозяева платили за рабочего, не имевшего денег на штраф, наложенный на него товарищами, лишь бы избежать приостановки работы.
- 93 Briquet. Op.cit., p.184.
- 94 Ibid., p.178.
- 95 Ibid., p.187. Небезынтересно отметить, что в 1800 г. Фуше в письмо властям департамента Эндр-и-Луара, перечисляя все вышеприведенные формы борьбы рабочих-бумажников, говорит о «беспорядках, разжигаемых и поддерживаемых без сомнения Англией» (Soreau. Note sur les compagnonnages ouvriers avant et apres la Revolution. «Annales historiques...», t.VI, 1929, p.185).
- 96 См. A.Nicolai. Une greve et un contrat collectif de travail en Angoumois du XVIIIe s. «Comite des travaux historiques et scientifiques. Bulletin... econom. et sociales. Annee 1936». Paris, 1937, p.127—139.
- 97 Ibid., p.128.
- 98 См. ibid., p.129-139.
- 99 См., напр., Bouvier-Ajam. Histoire du travail en France des engines a la Revolution. Paris, 1957; P.Chauvet. Les ouvriers du livre en France, 1956.
- 100 A.Mathiez. La France economique dans la seconde partie du XVIIIe siecle, 1927—1928, Paris, p.99. Литографированное издание (ФБОН).
- 101 Цитирую по Carre, Sagnac, Lavis. Le regne de Louis XVI, p.246. На ярко классовом языке, откровенно выражавшем чувства ненависти к рабочим, это же косвенно подтверждал и Ипполит Тэн (H.Taine. Origines de la France contemporaine, vol. III. Revolution, t.I, p.43).
- 102 Saint-Jacob. La question de prix en France a la fin de l'ancien regime d'apres les contemporains. «Revue d'histoire economique et sociale», 1952, № 2, p.146.
- 103 Turgot. Reflexions sur la formation et la distribution des richesses. «Oeuvres de Turgot». Paris, 1844, t.I, p.10.
- 104 Ibid., p.39.
- 105 Necker. Sur la Legislation et le Commerce des grains. «Collection des principaux economistes», t.XV. Paris, 1848, p.271.
- 106 Ibid., p.253.
- 107 Flammermont. Remontrances du Parlement au XVIIIe siecle, t.III. Paris, 1898, p.298.
- 108 Ibid., p.310.
- 109 Chassin. Op.cit, t.II, p.581.
- 110 Rude. Les ouvriers parisiens..., p.113.
- 111 Ibid. Интересно отметить аналогичное проявление зарождающегося классового сознания и у русских рабочих посессионных заводов. Профессор М.Н.Мартынов любезно указал нам на мнение рабочих одного из посессионных медеплавильных заводов Урала в 1767 г.: «Токмо от нас нижайших по ремеслам своим при заводах от трудов знатная ея императорская величества паче всех железо-делаемых заводов прибыль приносится, и служба наша ни во что вменяется, отчего происходит всекрайне убожество и нищета» (Сборник императорского Русского исторического общества, т.115. СПб., 1903. Материалы Екатеринбургской законодательной комиссии, т.X, стр.285).
- 112 По интересному замечанию В.П.Волгина, «социальная основа протеста Неккера против теории физиократов» состояла в том, что он принадлежал к тому слою финансовой буржуазии, «который сумел приспособиться к феодально-абсолютистскому режиму». Неккер не боялся ни ставить себя в положение филантропа, ни обнажать «внутренние противоречия» буржуазного порядка, так как не допускал мысли об активизации самих масс (В.П.Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией (1748—1789). М.— Л., 1940, стр.61).
- 113 Chassin. Op.cit., t.II, p.552.
- 114 J.P.Babaut. Precis historique de la Revolution francaise. Paris, 1822, p.108—109.
- 115 «Liste des Amis du Peuple qui meritent de fixer le choix des electeurs de Paris» (Chassin. Op. cit., t. II, p. 313): «Reveillon, manufacturier de papier, emule par sa generosite, son caractere patriotique et industrieux des manufacturiers anglais».
- 116 См. Proces-verbal des seances et deliberations de l'Assemblee generale des electeurs de Paris reunis a l'Hotel de Ville le 14 juillet 1789, redige du 26 avril au 21 mai par Bailly et du 22 mai au 30 juillet par Duveyrier, t.I. Paris, 1790, p.16.

- 117 Chassin. Op.cit, t.I, p.463.
- 118 B. de Moleville. Op.cit., p.152.
- 119 Chassin. Op.cit., t.I, p.586—587.
- 120 Ibid., p.473.
- 121 Monin. Op.cit, p.392.
- 122 Chassin. Op.cit., t.II, p.189
- 123 См. ibid., p.191.
- 124 См. ibid., p.189.
- 125 Montjoie. Histoire de la Revolution de France et de l'Assemblce Nationale. Paris, 1791, p.85.
- 126 Tuetey. Op.cit, t.I, p.XXI.
- 127 Henriot. Expose justificatif; Chassin. Op.cit., t.III, p.120.
- 128 Vicomte de Grouchy et A.Guillois. La Revolution francaise racontee par un diplomate etranger. Correspondanco du Bailli de Virieu m. pi. de Patrme (1788—1793). Paris, 1903, p.82.
- 129 Письмо парижского торговца Fairly от 28 апреля 1789 г. См. «Annalos historiques...», 1956, № 144, p.270.
- 130 То есть 14 су за четырехфунтовый хлеб.
- 131 B. de Moleville. Op.cit, p.153—154.
- 132 Письмо Гассенфранца от 28 апреля 1788 г. (см. «Annales historiques...», 1956, № 142, p.72).
- 133 «Histoire de la Revolution de 1789 et de l'etablissement d'une constitution en France par Deux amis de la liberte», t.I. Paris, 1790, p.177.
- 134 Mr de Salamon. Memoires inedites de l'internonce a Paris pendant la Revolution 1790—1801. Paris, 1890, p.332. Pieces justificatives. Письмо парижскому нунцию от 27 апреля 1789 г.
- 135 S.Carro. Santerre, general de la Republique francaise. Paris, 1847, p.25.
- 136 Tuetey. Op.cit., t.I, p.XXI.
- 137 См. «L'acte patriotique» (Chassin. Op.cit., t.III, p.53).
- 138 Reveillon. Op. cit., p.428.
- 139 Lettre de Michel Rene Maupetit depute du Tiers Etat du Maine. «Revue de la Revolution», t. IX, annee 5e. Paris, 1887. Documents inedits, p.73.
- 140 Montjoie. Histoire de la Revolution de France..., p.92.
- 141 Так, постановление от 18 июля 1781 г. запрещало мастерам-парикмахерам платить своим подмастерьям больше 15 су сверх питания (см. G.Martin. Op.cit., p.146).
- 142 См. Е.В.Тарле. Крестьяне и рабочие в эпоху Великой Французской революции, стр.87; его же. Первое народное движение. «Современный мир», 1908, № 8, стр.172.
- 143 См. G.Rude. La composition sociale..., p.257.
- 144 См. A.Brette. Recueil des documents relatifs a la convocation des Etals gencaux, t.I. Paris, 1894, p.46—47.
- 145 Tuetey. Op.cit., t.I, p.XXIII.
- 146 См. Chauvet. 1789. L'insurrection parisienne et la prise de la Bastille. Paris, 1946, p.63.
- 147 Большинство современников заимствовало описание событий у Монжуа («Histoire de la Revolution de France...»).
- 148 Chauvet. Op.cit., p.67.
- 149 См. Tuetey. Op.cit., t I, p.XXIV.
- 150 См. Chassin. Op.cit, t.III, p.51.
- 151 Franklin. Les anciens plans de Paris. Notices historiques et topographiques, t.II. Paris, 1880, p.210.
- 152 см. Chassin. Op.cit., t.III, p.50—51.
- 153 Tuetey. Op.cit., t I, p.XXIV—XXV.
- 154 Salamon. Op.cit., p.332.
- 155 Collot. Op.cit. «Revue des questions historiques», 1934, № 6, p.47.
- 156 Chauvet. Op.cit., p.67.
- 157 См. Tuetey. Op.cit., t.I, p.XXVII.
- 158 Chauvet. Op.cit., p.68.
- 159 Письмо Демишеля от 30 апреля. «Красный архив», 1939, № 3 (94), стр.177.
- 160 См. Chauvet. Op.cit, p.69.
- 161 См. Aulard. Les premiers historiens de la Revolution francaise. «Revolution francaise», 1909, t.57, p.129.
- 162 Toulangeon Histoire de France... Annee IX (1801), t.I, p.35.
- 163 Chauvet. Op.cit., p.69.
- 164 См. ibid.
- 165 Montjoie. Histoire de la Revolution de France..., p.93.
- 166 Montjoie. Histoire de la conjuration de Louis-Philippe-Joseph d'Orleans surnomme l'Egalite. Paris, 1796, p.362.
- 167 Письмо Гассенфратца («Annales historiques...», 1956, № 142, p.72—73).
- 168 L'Hericart de Thury. Description des catacombes de Paris. A Paris et a Londres, 1815, p.191.
- 169 A.-H.Dampmartin. Evenements qui se sont passes sous mes yeux pendant la Revolution francaise, t.I. Berlin, 1799, p.25—26.
- 170 См. Chauvet. Op.cit., p.69-70.
- 171 См. «Journal de L.-J.Laurence», publ. par Ch. de Beaumont. «Le Garnet» («Ancien Garnet historique et litteraire»), t.XII, 1902, p.67.
- 172 См. «Tableau historique et chronologique de la Revolution de Franco». Par un ancien militaire. An XII (1804), p.33.
- 173 См. Lettre de M.R.Maupetit..., p.74.
- 174 Dampmartin. Op. cit., p.26.
- 175 См. Tuetey. Op. cit, t.I, p.XXXV-XXXVI.
- 176 См. Montjoie. Histoire de la conjuration..., p.357—358, 368.
- 177 См. Chassin. Op.cit., t.I, p.492.

С. А. Лотте. «Дело Ревельона»
© Vive Liberta 2006

- 178 Ibid., t.III, p.71—72.
- 179 См. *ibid.*, p.37-42.
- 180 Ferrieres. *Memoires*, t.I. Paris, 1821, p.18.
- 181 Vicomte de Grouchy et A.Guillois. *Op.cit.*, p.86.
- 182 Toulangeon. *Op.cit.*, t.I, p.35.
- 183 Tuetey. *Op.cit.*, t.I, p. XXXII.
- 184 «Acte patriotique» (Chassin. *Op.cit.*, t.III, p.53).
- 185 Chassin. *Op.cit.*, t.III, p.63.
- 186 См. «Красный архив», 1939, № 3 (94), стр.177.
- 187 см. Montjoie. *Histoire de la Revolution...*, p.90.
- 188 «Memoire pour servir a l'histoire de l'annee 1789», t.I. Paris, 1790, p.342
- 189 См. протоколы допросов раненых (Chassin. *Op.cit.*, t.III, p.71—83).
- 190 См. протокол допроса аббата Руа от 29 апреля (Chassin. *Op.cit.*, t.III, p.110). Мы не можем подробно останавливаться на весьма сложной истории аббата Руа, которого Ревельон считал своим личным врагом и виновником восстания. Аббат Руа — королевский цензор, секретарь и историограф графа д'Артуа, обвинялся Ревельоном в предьявлении ему в конце декабря 1787 г. фальшивого векселя. Известно, что независимо от основной причины и социальной базы того или иного выступления, к нему обычно примыкают и совершенно инородные элементы, преследующие свои особые цели. Весьма вероятно, что в какой-то мере это относится и к аббату Руа. На это, по нашему мнению, указывает сообщение, что в толпе поговаривали о желательности разгрома дома Лера (см. протокол допроса раненых). Между тем, как мы знаем, Лера был тем комиссаром, к которому прежде всего обратился Ревельон, получив от Руа подложный вексель (*ibid.*, p.124).
- 131 Montjoie. *Histoire de la conjuration...*, p.372—373.
- 192 Marquis de Ferrieres. *Correspondance inedite*, publ. par H.Carre. Paris, 1932, p.39.
- 193 «Histoire de la Revolution», t.I, p.182.
- 194 См. Marquis de Malleissye. *Memoire d'un Officier aux Gardes francaises (1789—1793)*, publ. par M.G.Robert. Paris, 1897, p.17—18.
- 195 См. Collot. *L'Affaire Reveillon*, «Revue des questions historiques», 1935, № 2, p.242.
- 196 См. Tuetey. *Op.cit.*, t.I, p.XXIX
- 197 См. приговор: Chassin. *Op.cit.*, t.III, p.85—86.
- 198 См. *ibid.*, p.86-87.
- 199 См. Chauvet. *Op.cit.*, p.74.
- 200 См. «Journal de Paris», № 239, цит. по Chassin. *Op.cit.*, t.III, p.101, not.2.
- 201 Barere. *Memoires*, t.I. Paris, 1842, p.241.
- 202 J.S.Bailly. *Memoires*, t.I. Paris, XII—1804, p.37.
- 203 Приговор от 18 мая, а также описание казни в «Дневнике» Гарди (см. Chassin. *Op.cit.*, t.III, p.90—97).
- 204 См. Tuetey. *Op.cit.*, t.I, № 3420, p.380.
- 205 *Ibid.*, № 3417.
- 206 *Ibid.*, № 3418.
- 207 См. G.Lefebvre. *A propos des recents articles de G.Rude*. «Annales historiques...», 1953, № 133/4, p.290.
- 208 См. Tuetey. *Op.cit.*, t.I, № 3422, p.380.
- 209 См. Rude. *La composition sociale...*, p.281.
- 210 Из письма Неккеру и Вильдейлю от 7 мая (см. Chassin. *Op.cit.*, t.III, p.113).
- 211 Из письма к королю от 30 апреля (см. Tuetey. *Op.cit.*, t.I, p.XXXVI— XXXVII).
- 212 См. Rude. *La composition sociale...*, p.257.
- 213 См. *ibid.*, p.259.
- 214 См. *ibid.*, p.283
- 215 См. Montjoie. *Histoire de la conjuration*, p.347—348.
- 216 см. *ibid.*, p.351 (not.I), 369.
- 217 I.P.Rabaut. *Op.cit.*, p.112.
- 218 См. «Histoire do la Revolution 1789», t.I, p.188—184.
- 219 См. Besenval. *Memoires*, t.II. Paris, 1821, p.348.
- 220 L.Blanc. *Histoire de la Revolution irancaise*, t.I. Bruxelles, 1848, p.21.
- 221 M.Rouff. *Le personnel...*, p.230.
- 222 См. A.Mathiez. *La Revolution francaise*, t.I. Paris, 1922, p.41—42.
- 223 См. G.Lefebvre. *A propos...* p.290.
- 224 См. J.Jaures. *Op.cit.*, p.142—143.
- 225 См Baudon. *Affaire Reveillon*. «La Revolution francaise», t.IX. p.307—312.
- 226 См. Collot. *L'Affaire Reveillon*, p.252.
- 227 См. Jaffe. *Op.cit.*, p.56.
- 228 E.Tarle. *La classe viviere et le parti contre-revolutionnaire sous la stituanle*. «La Revolution francaise», t.57, 1909, p.311.
- 229 См. Rude. *Les ouvriers parisiens...*, p.112.
- 230 «Despatches from Paris 1784—1790», vol.II, 1788—1790. London, 1900, Письмо Dorset — посла Англии — от 30 апреля.
- 231 Например, участники сентябрьских выступлений 1788 г. (см. Chauvet. *Op.cit.*, p.29—30).
- 232 См. «Mercure de France», № 17, samedi 25.IV 1789. Supplement, p.3.
- 233 См. Laurence. *Op.cit.*, p.65—66.
- 234 См. «Histoire de la Revolution 1789», t.I, p.61—66.
- 235 «Epitre d'un patient de la porte Saint-Antoine aux francais» (Б-ка ИМЛ).

С.А.Лотте. «Дело Ревельона»
© Viva Liberta 2006

236 Мы учитываем возможность наличия элементов провокации (роль аббата Руа), а также участие в восстании и самостоятельных ремесленников и мелких мастеров, у которых в тяжелых условиях зимы 1788/89 г., естественно, должна бы обостриться зависть и ненависть к разбогатевшему бывшему подмастерью, преуспевающему Ревельону. Однако это, конечно, не меняет ни основного характера, ни объективных целей движения.

237 См. Braech. Op.cit., p.304—312. Интересно отметить, что на этих предприятиях (в число которых мы не включаем мануфактуру Ревельона) сравнительно высока концентрация рабочих: в среднем 41 человек на одно предприятие при среднем числе рабочих 16—17 на одно предприятие для Сент-Антуанского предместья в целом.

238 См. Chassin. Op.cit., t.III, p.90—91.

239 Toulangeon. Op.cit., t.I, p.36.

С. А. Лотте. «Дело Ревельона»

© Vive Liberta 2006